Мост

Category: Goşgular,Kitapcy
написано kitapcy | 25 января, 2025
Мост МОСТ

Подчас и трос мостом нам служит, хоть и прост.
А как надежен мост из железобетона!
Мы проложили мост до отдаленных звезд.
Но человека взгляд, с любовью обращенный
На человека,— вот крепчайший в мире мост!

Мы через океан людской безвинной крови
Наводим мира мост — нужнейший из мостов.
Все наше мужество лежит в его основе,
И нам покоя кет, пока он не готов.

- **НАЧАЛО ГОДА**

Я знаю, это началось:
Неспешно, нехотя как будто,
Но все же нынче день подрос
Уже на целую минуту.

И солнце, морщась по утрам
От ветерка, от зябкой дрожи,
Минутой раньше входит к нам,
Ложится спать минутой позже.

Так долог этот переход.
Что кажется, дождусь едва ли.
Но все же день придет, и вот
Весною жарко полыхнет

От улиц солнечных и далей.
Я знаю, что к добру она,
Медлительная поступь суток:
Из малых сложится минуток
Июльских щедрых дней длина.

• О МУДРОСТИ

Лишь время мудростью владеет несомненно.
Себе, сегодняшней, узнаю завтра цену.
Сегодня, скажем, я не то чтобы мудра,
Но все же чуточку умнее, чем вчера.

И если будет так со мною постоянно,
Я, верно, умницей под восемьдесят стану,
И сыну-старику скажу я не шутя:
— Оставь, пожалуйста! Ведь ты еще дитя…

Но, честно говоря, я б поумнеть хотела
Задолго до того, как стану престарелой,
И прежде, чем огонь сегодняшний угас.
Вот если б поумнеть немедленно, сейчас!

И более того — ведь знаю вместе с тем я:
Не очень-то умно надеяться на время,—
И вряд ли мы самих себя перехитрим,
Стать умным мудрено,— родиться надо им!

• У МОРЯ

Чудесно! Вот так оно было:
Лишь небо, земля и вода.
То время уплыло, уплыло.
Ушло навсегда, навсегда…

Но, лежа под боком у моря
На влажной полоске песка.
Ты можешь, с судьбою не споря,
Вернуться назад сквозь века.

Смотреть, как волна шевелится.
Вбирать в себя воздух и свет
И всем существом притаиться —
Как будто тебя еще нет.

• ПОКОЙ

Покоем душу б я обволокла,
Устлала бы как бабкиной периной,
И щелки не оставила б единой,
Чтобы сберечь дыхание тепла.

Я так бы наслаждалась! Но недолго.
В конце концов, как ни мостись хитро,
В пуху всегда отыщется перо,
Что вдруг тебя уколет, как иголка;

Найдется где-то щелка все равно
Для ветерка тревоги потаенной,
Зазор, в который мир неугомонный
Свой нос, конечно, сунет озорно!

• ИЗ ВАГОННОГО ОКНА

Дугой — сквозь ветер и жару —
Мой поезд гнет кривую,
Как с яблока он кожуру
Снимает вкруговую.

Он, заходя издалека.
Вокруг земли кругами,
Кружит пчелой вокруг цветка —
Упругими толчками.

Он весь — порыв, он весь — напор,
В нем будто страсть живая:
Вокруг лесов, полей, озер
Бежит, не задевая.

Была б земля все та, все та,
Цвела, плодоносила…
В нем неспроста, в нем неспроста
Клокочущая сила:

Я с ним, я в нем, я главный тот
Пружинный нерв, который

Его зовет, его влечет
К порыву и напору.

• ОСЕННИЙ ПОКОЙ

Краски сделались жидки,
Звуки сделались редки.
Опустевшие грядки
И грачиные сходки.

Над просторами пашен
Влажный воздух развешан.
Над верхушками вишен
Свет закатный притушен.

Ветер вишни раздразнит,
Ветер ветви разрознит.
Свет меж листьями брызнет,
Ослепит и исчезнет.

Дни текут, протекая.
Остаюсь налегке я.
Не грустя, не ликуя,
Преисполнюсь покоя.

• ДОРОГА

Если ты спросишь, длинна ли дорога
Со всей ее радостью, горем, тревогой,
С ее бездорожьем, распутьем, объездами,
С крутыми витками, с мостами над безднами,
С ее тупиками, с ее перекрестками,
С пареньями взлетов, с паденьями жесткими,
С ловушками ям, с потайными трясинами,
С растущими ббочь чащобами синими,
С ветрами, которые скрутят и схватят.
Потащат вперед и обратно попятят,—
Тебе я отвечу наверняка:
Длинна, словно миг, и, как жизнь, коротка.

• И К МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

Не слышал меня ты не дни,
А годы. Но был терпеливым.
В разрыве меня не вини,
И не было это разрывом.

Я не ускользнула змеей,
Я рыбой немою не стала,
Напев нестихающий мой
Ключом пробивался сквозь скалы.

Но камень мне путь преграждал…
Я верю — с меня ты не спросишь
За то, что так тягостно ждал.
Нет, камень в меня ты не бросишь.

С тобой вновь беседую я.
А что для поэта дороже!
Ты друг мой, и ты мой судья,
И нет тебя ближе и строже.

Ты все понимаешь: в чем суть
И зла, и добра.
Слепотою
Тебя не могу попрекнуть.
Пуд соли мы съели с тобою!

Кто нас разлучил, чтобы ты
Забыл мое слово и имя!
Кто нашей хотел немоты
И сделал обоих седыми!

Все это на нашем веку
Исчезло во мраке былого.
Но стоит подуть ветерку,
И боль просыпается снова.

Народ мой, родная страна!

Я здесь рождена, здесь умру я.
Все сплошь — добела, дочерна —
Я краской одной не малюю.

Есть правда и кривда.
И вот —
Могилу мы вырыть успели
Для кривды,
А правда растет:
Ей тесно уже в колыбели.

• И НАДО ЖЕ!..

И надо же придумать яблоньке
Так расцвести без спросу!
И надо же ручью прозрачному
Так прядать по откосу!
И надо же придумать девочке
Плести так ловко косу!

Но вот уже созрело яблоко
На яблоне за домом.
Сидит задумчивая девушка
С волненьем незнакомым.
Ее коса тугая свесилась
Над ясным водоемом…

И надо же придумать юноше —
Весь вечер терпеливо
Все ждать и ждать свиданья с девушкой
За домом, у обрыва,
Держа нетронутое яблоко
Янтарного налива!..

Я знаю, он дождется девушку —
Ведь он упрям на диво!

• ГЛУХОНЕМЫЕ

Беседует пара влюбленных
Молоденьких глухонемых.
Сияет в глазах упоенных
Вся радость, вся искренность их.

У юноши движутся руки,
Подруга вниманья полна.
Пойми-ка беззвучные звуки!..
Но все понимает она!

А вот отвернулась игриво,
За что-то сердясь на него.
Но вид у обоих счастливый,—
Помирятся вмиг, ничего!

А мы хоть куда голосисты,
Но им-то не больно слышны.
Они среди нас — как туристы
Из дальней страны Тишины.

• КОФЕЙНАЯ МЕЛЬНИЦА МОЕГО ДЕДА

Не мельница кофейная, а домик,
Который, как сейчас, я вижу пред собой…
Голубенький, как Андерсена томик,
Под круглым чердачком с изогнутой трубой.

Мой дедушка туда всыпает горсть чего-то,
Вертя рукой, как бы колдует он.
Кто в домике кряхтит! Мне знать охота.
Но не видать ни двери, ни окон…

Потом я запах чую ароматный,
Кряхтение сменилось тишиной,
И выдвигает дед не ящичек квадратный,—
Крылечко домика, придуманного мной.

Коричневый песок — его скопилось много,—
Хозяин столько лет не выходил на свет,

Не перешагивал высокого порога…
А может быть, его и вовсе дома нет?

Задумалась и глаз не в силах оторвать я.
А дедушка за мной следит исподтишка,
И пальцем, пахнущим кофейной благодатью,
Вдруг по носу меня он щелкает слегка.

• БЫЛОЕ

Уклад наш старинный я видела смалу:
Печет моя бабушка струдель, бывало.
Все будни хлопочет, по дому кружа,
В субботу сидит себе, руки сложа.

Так было уютно в предпраздничный вечер:
Треща, оплывают в подсвечниках свечи,
Я рада, что мне еще спать не пора…
Мне кажется, все это было вчера.

Что смыслила девочка в старом укладе.
Все, все проглядела, поверхностно глядя?..
Шумливые будни, затишье суббот —
Та жизнь для нее как без косточки плод.

Играла беспечно с коробкою спичек,
Не зная, что есть где-то хитрый обидчик,
Что в мире не дремлет насилье и гнёт,
Что мир загорится, как спичка, вот-вот.

Что канут навеки, уйдут без возврата,
Как будто бы в темный колодец куда-то,
Подсвечники, бабушка, струдель, уют,
Что все это кратко «былым» назовут…

• ОСЕННИЙ ВЕТЕР

Хорошо, что когда наступает пора,
Деревья тряхнув бесшабашно,
Сухую листву обрывают ветра,

И это нисколько не страшно.

Ведь если б не ветер — висели б листы
На ветках, пока не сгнивали.
А так — обнаженных деревьев черты
Почти не внушают печали.

Выносят деревья, скрипя и хрустя,
Октябрьского ветра порывы,
Листик на ветке совсем как дитя —
Шумливый, слабый, пугливый.

Шумливые листья… Но, может быть, их
Достоинство именно в этом?
А дерево сдержанно в чувствах своих
И молча гнется под ветром.

Оно не сдается, решив, что верней,
Поскольку так ветер неистов,
На жертву пойти: чем лишиться корней,
Уж лучше остаться без листьев.

Как мучится дерево этой двойной
Тревогой за листья и корни!
И как эта боль неразрывна со мной,
И в сердце стучит все упорней!

Ствола напряженье я чую хребтом.
А ствол — заземлен и возвышен —
дрожит над последним пожухлым листом
И неразлучим с корневищем.

Приходят ветра и уходят ветра.
Трепещет под яростным ливнем
Листок одинокий, и плачет кора,
А боль — вся в стволе терпеливом.

• ТВОЕЙ СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ

Самуилу Галкину

I.

…И вот ты лежишь. Плотно сжаты ресницы.
И радость, и грусть улетели, как птицы,—
Как голубь и коршун. С тобою осталось
Одно безразличие… Или усталость!

Взгляни: на столе твоем все, как и было,—
Бумаги стопа, н перо, и чернила,
Тетрадь — ты ее отложил ненадолго,
Прилег, чтоб от боли избавиться колкой.
Что это приснилось тебе, чтоб навеки
Тебя полонить и сомкнуть твои веки,
Чтоб ты обездолил нас всех так сурово
И нам в утешенье не молвил ни слова.
Чтоб, рыцарь прекрасного, смерти ты глянул
В лицо безобразное и не отпрянул,
Чтоб, нам не оставив надежды — ни тени! —
Ты к небытию превозмог отвращенье!

Очнись, лишь очнись — мы вернем тебя людям,
Мы все зимовать у дверей твоих будем,
Ладонями снег отгребать, чтоб дыханье
Твое уловить, словно отклик в тумане…

И ты, ты споткнулся о смерть!
Запрещаю,
Простить не могу, не прощаю!

II.

Разве это возможно — раскрыть твои двери,
И — напрасно! Не верю! Не верю!

Я вблизи поищу, где гулял ты под вечер,
Но уже не дождаться мне встречи…

Я в киоске газету куплю спозаранку:
Это ты втиснут в черную рамку!

Вкруг портрета я черную рамку загну,
В глубину твоих глаз загляну:

Смерти нет. Никаких караулов почета!
Ты сказать собираешься что-то.

Что же именно! Буду искать я ответа —
Ничего нет важнее, чем это.

• О ТЕБЕ

Ты все — мой жених, мой влюбленный чудак.
Давно мы супруги, но все ж это так!

Ко мне снисходителен ты, как отец,
И если сглуплю, простишь под конец.

Ты мне — как ребенок, как маленький сын.
Порою весь мир для меня — ты один!

Не знаешь ты сам о повадках своих —
Как много осталось ребячьего в них!

В едином тебе — семейный мой круг:
Мой сын, мой отец, мой супруг.

* * *

Выходит всю молодость мы только ждали да ждали,—
Как в дальней дороге, когда где-нибудь на вокзале
Считаешь минуты, жуешь всухомятку краюшку,
И кажется, что ни к чему распаковывать кружку.

О, если бы знать мне, что жизнь так долго продлится,
Глазам и ушам я дала бы досыта кормиться!
О, если бы знать мне, что жизнь так быстро промчится,
Я стала бы жить торопливо и щедро, как птица!

• СВЕТЛОЕ МЕСТО

Случалось ли тебе в дождливый день тягучий,

Когда на небе нет ни точки световой,
Когда над нивами теснятся тяжко тучи,
Увидеть вдруг просвет над головой!

И над тобою тьма бессильна стала,
На гибель власть ее уже обречена,
Развеет вихрь в клочки густое покрывало,—
И вновь блеснет улыбкою весна.

И сила вновь в тебе ликует молодая,
И слезы радости струятся по щекам,
Под светлым местом стой, чудесно вырастая,
Как будто тучи ты плечом раздвинул сам.

• Я РОДИЛАСЬ В СОРОЧКЕ

Как говорят, я родилась в сорочке,
И та сорочка — мой родной язык.
Она мне душу греет днем и ночью,
Я с ней не разлучаюсь ни на миг.

Косынку ветер уносил, бывало,
Щебенка башмаки рвала со зла,
Одежду я не раз на хлеб меняла,
В сорочке оставалась, но жила!

Иные шли и на такую милость:
Сулили злато, а не то что снедь,
Чтоб шубу согласилась я надеть,
Чтоб я отдать сорочку согласилась.

Я одного хочу: в мой смертный час,
Когда запнусь я на последней строчке,
Меня вы схороните в той сорочке,
В которой я когда-то родилась.

• МАЛЕНЬКАЯ МАЛКЕЛЭ

Маленькая Малкелэ с огромными очами,
С темными очами, с длинною косой.

Дорога впереди, дорога за плечами.
Куда ее влечет! Неведомо самой.

Уходит запросто от тихого порога.
В ладони утлой сжат убогий узелок.
Она – то тут, то там – передохнет немного,
И вновь скитается, и снова путь далек.

Ребенка родила – в пути кормила грудью.
Был муж – в чужом краю в могилу свел недуг.
Все вынесла, хотя досталась ей по сути
Лишь капля радости в бескрайнем море мук.

Маленькая Малкелэ с горячими очами,
С горячими очами, с прохладною косой.
Бывало, жду ее прихода вечерами,–
И прячу для нее заветный пряник свой.

Вот на вокзал ее, пыля, везет пролетка.
Я плачу, вслед бегу, пока она видна.
Все память детская запечатлела четко…
Маленькая Малкелэ всегда, всегда одна.

Маленькая Малкелэ, малая частица
Народа моего, скитается в веках.
В зрачках ее печаль чернеет, но таится
Надежда вечная в сияющих белках.

Вот рядом, кажется она – и снова нету…
Я спрашиваю всех: где Малкелэ найти?
И отвечают мне: ищи по белу свету,
Она в пути. Да,да! Она опять в пути!

• ДЕНЬ МОЕГО ДЕТСТВА

Снежинки вьются стайками,
День поднял синий флаг.
Стоят непроливайками
Колодцы на углах.

До самых глаз закутана,
За санками бегу.
Скрипят полозья гнутые
На сахарном снегу.

Снежинки вьются, вертятся,
И небо как сирень,—
Бывает ли, ответьте-ка,
Заманчивее день!

Над шумной и стремительной
Ребячьей кутерьмой —
Льняное солнце с нитями
Лучей, как с бахромой.

• НА РАССВЕТЕ

Вот самый лучший час:
Хоть ночь глядит на нас,
Но звезды блекнут и восток разбужен.
День завтрашний — он здесь.
И, во вчерашнем весь,
Фонарь померкший никому не нужен.

Еще почти темно,
Но веришь: вот оно!..
И дышишь новизною небывалой.
Встаешь, и первый шаг
Что колокол в ушах,
От предвкушения — начать сначала!

* * *

Полоска светлой тьмы — ночное небо,
Полоска черной тьмы — земля в тени,
И белым облачком прорезаны они.

Вдруг от стены, где мрака средоточье,
Отламывается кусочек ночи:

То, спрыгнув с крыши, кошка лезет в лаз
Под воротами, мигом сгинув с глаз.

Сырая рань предутренней прохлады
Спешит откуда-то, и ночь сошла на нет.
И начинают острия ограды
Из ничего прилежно ткать рассвет.

• РАССВЕТ

Из ничего возникла тишина,
Чей гром почти невыносим для слуха.
Часы, как барабан, грохочут сухо,
И гладь большого зеркала мутна:
Она облита молоком рассвета,
Нельзя узнать ни одного предмета.

Но ласточка легонько о стекло,
Как спичка, чиркнула — и стало вдруг светло.

• УЛЫБКА

Хоть счастье человеческое зыбко,
Как хорошо, что в мире есть улыбка.
Губ уголки слегка приподними —
И будет легче жить тебе с людьми.

Умеет плакать даже и бобер.
Пугает филин смехом темный бор.
Владеет попугай людскою речью.
А улыбаться — свойство человечье.

Живет улыбка с нами целый век.
С улыбкою прощает человек
Все глупости, претензии, ошибки.
До самой смерти молодость — в улыбке.

* * *

Мир и милостив и строг,

Полон тишины и песен,
Он немыслимо широк
И невыносимо тесен.

Мир — ведь это ты и я,
И вершина, и долина,
Все приметы бытия,
Слившиеся воедино.

Видишь яблоко! Оно —
Тот же мир. И неспроста ведь
До конца завершено —
Ни прибавить, ни убавить.

Речка малая и та
Замысел таит широкий,
Но небрежно начата
И забыта по дороге.

Мир — педант, но в нем размах
И рассеянность поэта;
Сколько капель в облаках —
Разве знает кто про это!

И ликуя и скорбя,
Полный радости и боли,
Мир прекрасен — и тебя
Я люблю не оттого ли!

• МНЕ ПОВЕЗЛО

Мне повезло! Как только я проснулась,
Я утро увидала без труда.
Оно через окно пришло сюда.
Окно — оно так дивно распахнулось,
Так чутко звякнуло, легонько прошуршав
Над самой головой садовых трав.

И продолжалось далее везенье:

Легко дышалось, слышалось насквозь,
Осуществилось вдруг соединенье
Тех чувств, что с вечера дремали врозь.

И мир, в безбрежности своей небрежный,
И вовсе не такой уж безнадежный,
Был понят сердцем, если не прощен,—
Хоть капельку, но улучшался он.

Вздымалось солнце караваем хлеба,
Чтоб голод ночи каждый мог забыть.
И воздух был, была земля и небо.
А этого всего могло не быть…

* * *

От возраста, от разных мыслей
Я становлюсь все бескорыстней.
В корысти что уж за корысть!
Она способна лишь изгрызть…

А без корысти ты свободен
И ясен при любой погоде.
Все встретив на своем веку,
Ты не в плену, не начеку.

Ты не скрываешься на дне
И не всплываешь на волне,—
В часы отлива и прибоя
Ты остаешься сам собою.

• СЛИШКОМ ПОЗДНО

Когда сорок исполнилось маме моей,
Я, ее уже старой считая всерьез.
Подарила чулки грубошерстные ей,
Чтобы ноги не мерзли в мороз.

Стало ей пятьдесят (было маму мне жаль:
Понимаете сами — такие года!).

Подарила я маме старушечью шаль,
Но она засмеялась тогда.

А теперь ей всего только семьдесят лет,
Мне уже пятьдесят…
Принесла я вчера
Ей цветастое платье, и слышу в ответ:
— Слишком поздно, дитя, я стара.

• ОТЕЦ И ДИТЯ

Как молятся, руки прижав к лицу,
Взывало дитя к своему отцу:

— …Если я вечность не вижу тебя,
Если я вечность не слышу тебя,
Ты разве не мой отец?

И если рукой ты не машешь мне вслед,
И где б ни была я, тебя там нет,
Ты разве не мой отец?

Отец, твой ребенок уже в годах,
А так и не знает он, где твой прах
Зарыт,
Но тянется каждой кровинкой своей
К тебе…

• ЭЛЬБРУС

Уж такова гора Эльбрус,—
Ее лишь ярким утром видно.
И вот, поди, с неделю бьюсь,—
Эльбруса нет! Мне так обидно…

Узреть Эльбрус — моя мечта.
…Но в небе тучи ходят властно.
Я вижу горы,— все не та!
И снова жду погоды ясной.

Гора Бештау и Машук –
Непривередливые горы.
Но где Эльбрус! Я не дышу,
Когда с утра, раздвинув шторы,

В окне гостиницы стою,
Ища Эльбрус пытливым глазом
В неописуемом краю,
Слывущем Северным Кавказом.

Мне говорили, что бела
Эльбруса снежная вершина,
Что наподобие седла
Она, что это – седловина.

Что – белоснежная волна,
Застывшая на горизонте,
Когда погода здесь ясна
И небо в облаках не тонет.

И вот в один прекрасный день,
В незабываемое утро,
Вдали увидела я тень
Из призрачного перламутра.

Седло? Волна? Но кто сказал?!
Нагие женские колени
Предстали вдруг… Их дивный гений
На горизонте начертал.

И это было так свежо,
Так целомудренно-бесстыдно,
Так новизною обожгло,
Что в мире стало лучше видно.

• СИМФОНИЯ

Была тишина – тишина и осталась,
Лишь скрипка прокрасться в молчанье пыталась,

И силилась в ухо продеть под сурдинку
Тончайшую грусти людской шелковинку;
Напев забирался все выше и выше —
И вдруг оборвался.
Настало затишье.

Настало затишье.
А через минуту —
Все тот же напев, но окрепший как будто.
Казалось, что краски зари заалели,
Когда перекликнулись виолончели;
Казалось, что выплыло солнце, а это —
Уже заструились лучисто кларнеты,
Гобои и флейты.
Но снова и снова
Все замерло, как у обрыва крутого.
И грубые трубы
Раскрыли латунные губы:
Где скрипка, дрожа, извивалась,
Душа изливалась
Сквозь слезы, сквозь зубы,
Там медные трубы
Пытались весомо
Доказывать что-то раскатами грома!

Одуматься звал их фагот, но нежданно
Посыпался град барабана,
Тарелки залязгали в бешеной сшибке,
И все подхватили скупую мелодию скрипки.
Из медного зева,
Из полого древа
И жил, напряженных как луки,
Безудержно хлынув,
сплелись всех напевов свободные звуки.

И ухо, как венчик, сосущий лучи торопливо,
раскрылось навстречу певучим созвучьям прилива;
И черпало сердце поющую влагу горстями,

И ветер незримо прошелся по арфе перстами,
Вмешалось последнее предупрежденье фагота…

А трубы все пели — прозрачная, полная нота
Рекою текла — и умолкла;
Лишь виолончели гудели недолго.
Но вот и они замолчали,
И скрипка запела одна, как вначале:
Напев забирался все выше и выше —
И вдруг оборвался.
Настало затишье.
……..
И долго никто не вставал в зачарованном зале.

• ЛЮБИМОЕ МЕСТО

Хорошо весною у пруда!
Холм за ним. Пошла бы и туда.
Ну, а в поле, разве в поле худо?
А в лесу? Не вышла бы оттуда!

В город съездить? Чем не красота?
Сколько вас, любимые места!
Но всю жизнь иду я напролом
К месту, что за письменным столом.

• СЛОВО-РАКЕТА

…И отправится слово, послушно поэту.
Это я запущу его, словно ракету,
С однокомнатной стартовой тесной площадки.
Запущу — и к хлебной отправлюсь палатке
За теплым батоном как ни в чем не бывало.
А ведь дней беспокойных провела я немало
И бессонных ночей.
Разве это не косность —
Отрицать мое скромное право на космос!

Сложно и многоступенчато слово.

Посмотри, как оно необычно, как ново!
Неуемного века живая примета –
В новом слове.
Помчится с ним сердце поэта.
Его хватит навечно, на год или на три,–
Но светить оно будет много ярче, чем натрий.
В нем – вся мудрость земная, что вселенною движет.
Море ясности, где ты! –
Все ближе, все ближе…

• ТАНЦОВЩИЦА

Когда она туфелькой пола касалась,
Он даже не чувствовал веса, казалось;
Змеей изгибалась,
Зарей улыбалась,
Снежинкой легчайшей в луче колебалась,
На острых булавках зрачков небывалой,
Сверкающей бабочкой затрепетала,
И вот, обессиленная потрясеньем,
Бесшумно листом опустилась осенним.
Но долго еще над распластанным телом
Взлетала рука ее парусом белым…

Вдруг – дрожь по рядам пробежала.
Какая
Телесная буря и страсть колдовская!
В ней каждая жилка звенела, кричала:
«Я власть! Я победа! Я жизни начало!
Я жаждущей вечно была и останусь!»
То юность сама танцевала свой танец.
И снова, внезапной охвачена дремой,
Снежинкою кружит она невесомой,
Как облачко реет, влекомое ветром,
Туманом белеет, речным, предрассветным,
И тает…

Но очи очнутся, и все прояснится:

Прилично отвесив поклон, танцовщица
Исчезнет со сцены…

• МОЙ ОТЕЦ

Я по ночам в кроватке заперта,—
В ней сетка сбоку и в углах по крюку.
Сквозь ромб веревочный туда, где темнота,
На волю я просовываю руку.

Тень головы отцовской в тишине
На потолке дрожит. Своей рукой веду я
Качающийся мостик по стене:
Тянусь погладить тенью тень родную.

Аквариумом светится стакан,
Сверкает в чае ложечка, как рыбка…
Вот встал отец, шагнул, как великан,
И тени все вверху смешались зыбко.

Быть может, за минуту до того,
Как он склонился над моей кроваткой.
Заснула я. И больно, что его
Теперь я помню только тенью шаткой.

Он был голубоглазый человек,
Певец, как говорится, с искрой божьей,
И для меня он молодым навек
Остался — всех живых отцов моложе.

• БАЛЛАДА О КРОВЕЛЬЩИКЕ И ПОЭТЕ

С еврейской семьею была я знакома:
Два сына могучих — Нафтоле и Шлема,
Две дочки цветущие — Эня и Броня,
И младшенький мальчик — мечтатель, тихоня,
Последыш: его появленья едва ли
Уже пожилые родители ждали.

Простая семья. Но случилось при этом,

Что младшенький стал почему-то поэтом;
Хотя здесь мужчины по кровельной части,
А сестры — швеи, разве это несчастье!
Поэт так поэт; чем он может мешать им,
Отцу или матери, сестрам и братьям?

Недели и месяцы тают, как свечки.
Давно и семьи этой нету в местечке.
Состарилась Броня, ссутулилась Эня,
В семье уже третье растет поколенье:
Здоровые девки, и парни-атлеты,
И мальчик-мечтатель у папы-поэта…

Вдруг зять умирает у них в одночасье,
Последнюю крышу свою не докрасив;
И мать, и отец, и сестры, и братья —
Скорбит все семейство о горькой утрате:
— Такая была богатырская сила,
И на тебе — смерть его мигом скосила!

А годы бегут, как бежали от века.
Был человек,— и нет человека!
Жена притерпелась, дети забыли
[Ну сколько же можно вздыхать на могиле!],
у тестя и тещи — свои заботы…
Лишь сына-поэта все мучило что-то.

Есть песня,— ему лишь дано это знать,—
Чтоб в славе из мертвых восстал его зять!

• ПУСТЬ НЕ МОЛЧИТ

Во мне проснулась боль моя.
Перо в моей руке.
Наотмашь им ударю я
Бумагу по щеке.

Пусть не молчит белым-бела,
Упрятавшись в столе,

Тогда как черные дела
Творятся на земле!

• ВЕСНА 1945 ГОДА

В жизнь мою сегодня против воли
Ворвалась весна.
И оттого ли,
Что бомбежку переживший лес
Все же лесом смотрит в синь небес,

Оттого ли, что я время это,
Старше став, ценю без лишних слов,
Или то поет, во мне, что не допето
Целым поколением певцов,—

Только я теперь бы разрыдалась,
Словно снег, отдавший жизнь весне.
Разрыдалась, чтоб не догадалась
Ни одна душа, как тяжко мне…

Размягчилась почва, дни погожи,—
Босиком бегут на перевал,—
Кто-то лето до конца не прожил,
Кто-то зиму недозимовал…

День за днем встречаю я в надежде:
Ласточка примчится, чтоб сказать —
Мир стал снова миром, как и прежде,
Птицы прилетают к нам опять.

От весны я прятаться не стану,
Раз она мне вправду суждена.
Припаду к земле: — Закрой мне рану,
Мать-земля, ты мудрости полна.

В чем терпенья твоего основа!
Тайну милостей своих доверь,
Обещай, что засияет снова

То, что тяжко спи? в тебе теперь.

• СОВСЕМ НЕДУРНО БЫЛО БЫ…

Совсем недурно было бы, ей-богу,
Лет этак тридцать сбросить понемногу,
Чтоб дули за тебя на блюдце с молоком.
Чтоб голосок твой пел пастушеским рожком,
Чтоб ты и смех свой смаковал и рев,
Смеясь иль плача из-за пустяков.

Недурно б, например, сейчас не быть таким
Ужасно деловым и занятым,
А выйти погулять с игрушкою под мышкой,
Чтоб было на тебе короткое пальтишко,
Чтоб шарф тебя обматывал всего,
И ты — такое милое и малое
И отоспавшееся существо —
Про все свое бы мненье сообщало,
Не пропуская мимо ничего.

И все твоим сужденьям были б рады,
Дивясь любому слову твоему
И необыкновенному уму.
Теперь же сам себе ты злейший враг,
И, что ни делаешь,— не так, не так!

Рахиль Львовна Баумволь (ивр. □□□□□□□□ □□□□□; 4 марта 1914, Одесса, Херсонская губерния — 16 июня 2000, Иерусалим) — советская еврейская поэтесса, писавшая на идиш и русском языке. Goşgular